

3.5. Социокультурные основы кодирования государственно-правового развития

Овчинников А.И.

Мамычев А.Ю.

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
k_fp3@mail.ru, mamychnev@yandex.ru*

Мамычева Д.И.

*Таганрогский институт управления и экономики
mamycheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье комплексному рассмотрению подвергается социокультурные основы государственно-правового развития, обсуждаются традиции и новации в исследовании последнего, а также формулируется и аргументируется авторская теоретико-методологическая программа реконструкции данных основ. Авторы обосновывают, что социокультурные основы легитимируют конкретно-историческое функционирование публично-властных институтов и их дальнейшую трансформацию через формирование особого социально-политического состояния общества - политическую метанаррацию. Показывается, что социокультурные основания всегда сопряжены с доминирующей социально-политической и юридической мышледеятельностью общества, его возможностями и границами, представляют собой совокупность тенденций и векторов публично-властной трансформации. В рамках статьи дается модель анализа социокультурной обусловленности государственно-правового развития, имеющая ряд уровней: а) архетипический (нравственно-когнитивные интуиции, архетипические коды, образы, символы, базовые сценарии и форы политической активности); б) «квазиизмерение» архетипических структур; в) эмпирический – повседневное (обыденное) социально-политическое взаимодействие и его эмоционально-психологическая составляющая; г) институциональный (политические институции, институционально-нормативная активность и иная публично-правовая практика); д) доктринальный и идейно-концептуальный; е) «квазиизмерение» институционально-организованной государственно-правовой жизни общества, состоящее из позитивных (социокультурно одобренных) и негативных (вредных, опасных) политико-правовых явлений и процессов; ж) уровень социально-политической целостности.

Ключевые слова. Юридические архетипы, государственно-правовое развитие, политический процесс, социокультурная обусловленность, юридические доктрины.

1. Введение. В современных исследованиях с целью анализа социокультурных основ кодирования государственно-правового развития, применяют комплексный, системный подхода. Данный подход представляет возможность адекватного исследования глубинных культурных установок, их влияние на развитие форм властно-правовой организации, мотивов и сюжетов (типизированных режимов) социально-правового взаимодействия, а также воспроизводство стиля правового мышления, когнитивных установок, определяющих восприятие и оценку правовых институтов и юридической деятельности [14].

Неслучайно в контексте юридической антропологии исследовательская работа направлена на реконструкцию, прежде всего, повседневного социально-правового взаимодействия в системе личность – общество – государство, специфика которого приоткрывает закономерности и специфику юридического бытия общества. Известно, что на уровне институционально-правовой организации многие геополитические и геояридические пространства схожи, типологически однородны. Однако, при анализе именно юридического бытия, повседневного взаимодействия и массового стиля осмысления юридических явлений и процессов они, соответственно, существенно различаются [15].

Вообще, строго говоря, нет ни одного государственно-правового пространства совпадающего по специфике повседневного юридического общежития. Даже с учетом схожести вектора политико-правового развития большинства европейских государств, все же существуют существенные различия в повседневном юридическом быте и специфике массового и политико-правового восприятия реальности. Напротив, следует полагать, что неоднородность в юридическом быте свойственна не только отдельным (суверенным, цивилизационным) юридико-политическим пространствам, но и проявляет себя (неоднородность) в контексте отдельно взятой общественной системы. Так, например, Е.А. Лукашева указывает на то, что «неоднородность социально-нормативных регуляторов в любом европейском обществе, наличие групп с различными субкультурными ориентациями, стремление мигрантов, представляющих различные цивилизации, навязать свои ценностные представления приводят к конфликту культур» [3].

Причем реальная юридико-политическая практика показала, что проект правовой стандартизации развития общественных систем приводит к хаосу и «смуте» в функционировании не только внутреннего правокультурного пространства, но и внешнего международно-правового сотрудничества. Иллюзорность этого проекта очевидна, поскольку невозможна стандартизация и унификация правового развития неоднородных культурных пространств.

В этом плане реконструкция социокультурных основ государственно-правового развития того или

инного общества, понимания процесса преемственности, доминант и факторов, влияющих на стабильность и упорядоченность общественного взаимодействия, уровней архетипической обусловленности правовой культуры общества, представляет собой не столько теоретический, сколько практический интерес. Подобные исследования актуальны и востребованы, поскольку связаны с формированием адекватной обществу правовой политики, направлений институциональных реформ, формулированием ясных основ и приоритетов законотворческой деятельности, а также способствуют, в стратегическом плане, обеспечению национальной безопасности России.

Действительно для адекватного понимания сути национальной правовой реальности, закономерностей ее развития и функционирования, преемственности и трансформации логики и стиля юридического мышления, оценки действующих политико-правовых институтов и структур необходимо, прежде всего:

- *во-первых*, признать неполноценность и односторонность рациональных методов исследования права, поскольку правовая жизнь общества намного многообразней и сложнее, а восприятие и познание правовых и смежных феноменов не исчерпывается рационализированными методиками;

- *во-вторых*, переориентация правовой проблематики с изучения логико-методологических проблем, зачастую оторванных от непосредственного процесса культурной эволюции права и государства, юридического быта нации, реальных (сложившихся, типизированных в обществе) практик повседневного социально-правового взаимодействия, на исследование смысложизненных, мировоззренческих основ правовой жизни;

- *в-третьих*, признать кризис западного рационального типа правосознания, «привитие» которого в иных духовно-нравственных пространствах вызывает правовой нигилизм и политическую аномию, и направить интеллектуальные усилия на поиск выхода из кризиса через возврат на позиции ценностной рациональности и правокультурной обусловленности;

- *в-четвертых*, создание и обоснование принципиально новых моделей правовой жизни общества, адекватных нравственно-идеологической и социокультурной среде, развитию юридико-политической мысли и практики на основе собственных цивилизационной доминант и возможностей развития;

- *в-пятых*, отрицание объективной истины и убеждения в гипотетичности научного знания, поскольку в этой интерпретации иные формы восприятия и познания реальности, а также иные виды знания – религиозное, обыденное и т.д. лишаются статуса «объективности».

Так, П. Бергер и Т. Лукман в своей наиболее известной работе неоднократно подчеркивали, что логика свойственна не институтам как таковым, и не их внешней функциональности, но «способу рефлексии по их поводу. Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики (или, в этом контексте, стиля мировоззрения, восприятия и оценки существующей действительности – авт.) на институциональный порядок» [10]. В том же контексте отмечает и известный социолог Р. Мертон, что логика функционирования и функциональная компетентность тех или иных институтов и структур опосредована общественной средой. В свою очередь институты не соответствующие логике развития социокультурной среды (импортированные или абстрактно сконструированные, либо утратившие свое социальное значение и т.п.) вызывают дисфункции в институциональном развитии общества, приводят ее к кризисному, неустойчивому функционированию. В силу чего «функциональные недостатки официальной структуры порождают альтернативную (неофициальную) для несколько более эффективного удовлетворения существующих потребностей» [13].

2. Обзор литературы. В современной литературе можно выделить достаточное количество работ направленных на реконструкцию культурных оснований тех или иных феноменов политико-правовой, социально-экономической и духовной жизнедеятельности общества. Как правило, в поле научной рефлексии актуализируется поиск социогенной матрицы, соответствующей определенному обществу, группе, социальному слою, которая характеризует различия в установках, поведенческих ориентирах, интересах и потребностях, ценностного мира и мировоззрения [7].

В целом традицию исследования основ государственно-правового развития можно сгруппировать по четырем основным направлениям.

Во-первых, это группа исследователей, которые анализируют политический и правовой процесс развития в структурно-функциональном плане, к таковым следует отнести работы таких авторов, как Г. Алмонд, К. Дойч, Э. Дюркгейм, Д. Истон, Г. Кельзен, К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.

Во-вторых, это концептуальные версии, акцентирующие внимание на институционально-нормативной кодировании государственно-правового развития принадлежащие перу таких авторов, как Х. Арендт, М.И. Байтин, И.Н. Гомеров, А.Ф. Малый, Д. Норт, Дж. Уоллис, В.Е. Чиркин и др.

В-третьих, это политические, социологические и государствоведческие учения, ориентирующие на понимание государственно-правового развития как сложной и динамической системы публично-властных отношений. Такой подход к трактовке представлен в работах Н.Н. Алексеева, П. Блау, В.Ю. Верещагина, Н. Лумана, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, В.А. Подорога, О. Хархордина, Э. Юнгера и др.

Наконец, *в четвертой традиции* политико-правовое развитие задается либо определенным типом политической рациональности (Дж. Агамбен, М. Вебер, П. Бурдьё, К. Крауч, М. Фуко и др.), либо как социально-психологическими установками (Б. де Жувенель, И.А. Ильин, М.Н. Коркунов, Л.И. Петражицкий,

И.Л. Солоневич и др.), либо массовым политическим образом государственно-правовой реальности (реального или виртуального), доминирующими представлениями, симулякрами, архетипическими предрасположенностями общества и т.п. (Ж. Бодрийяр, Д.В. Иванов, И.А. Исаев, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ж. Эллюль и др.), организующие социально-политическую мыследеятельность акторов и процессы институционализации публично-властного пространства.

Кроме того, целый ряд современных исследований в последнее время посвящены государственно-правовой эволюции, развитию различных форм политико-правовой организации, отдельных властных институций и практик в рамках конкретной социокультурной среды. Однако эти фундаментальные разработки, теоретико-методологические новации, сформулированные тренды развития публично-властных отношений довольно редко подвергаются анализу действующих государственно-правовых систем и перспектив их трансформации с учетом социокультурного кодирования их эволюции. Все это требует комплексного исследования оснований государственно-правового развития с учетом социокультурных факторов и направлений ее трансформации. В настоящей статье формируются теоретико-методологические и структурные компоненты таковой исследовательской программы.

3. Методы и материалы. В настоящий момент нет сколько-нибудь эвристически выверенной методики исследования социокультурного кодирования государственно-правового развития. Хотя, для составления общеметодологического контекста необходимо учесть следующие теоретико-методологические ориентиры:

1. религиозное мирозерцание и его роль в жизни конкретного народа; 2. Отношения «Чужие» и «Свои»; 3. Отношения «Свои» и «Чужие». 4. Ценность семьи (клана) и ее интересов. 5. Традиционное отношение к государственной и иной власти («дистанция власти»); 4. Отношение к труду и к собственности. 5. Отношение к действующему законодательству («Закон»-«Обычай»-«Традиции»).

Считаем, что эти пункты позволят наиболее приблизиться к пониманию социокультурных основ государственно-правовой эволюции конкретного общества, основных векторов его развития.

В качестве методологических принципов можно выделить следующие:

1) принцип дополненности в понимании специфики поведения индивидов и их групп в правовой и политической сферах, когда, с одной стороны, имеющие место правовые и политические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, ее характер и направленность, а с другой – эффективность и устойчивость юридико-политических компонентов национальной государственности предопределяются «субъективным фактором»;

2) принцип "понимающей интерпретации", т.е. концепция выстроена методами понимания и объяснения, что в целом соответствует эвристическим установкам постнеклассической (понимающей) науки. Именно такой подход и позволил рассмотреть сферу правовой и политической повседневности, особенности их политико-правовой активности, выявить факторы устойчивого развития государственности и институтов гражданского общества, оценить критерии определения эффективности законодательства в его социокультурном измерении;

3) этнокультурная конвенциональность, означает что действующие в обществе ценностно-нормативные системы имеют конкретно-исторический и социально-коммуникативный характер. При этом познание последних обусловлено социокультурным и историческим контекстом, любое юридическое явление или процесс теоретически и мировоззренчески нагружен и обусловлен социокультурными факторами и доминантами;

4) целостность – представляет собой методологический принцип системного и органичного единства, взаимодействия и взаимообусловленности всех элементов социально-правовой жизнедеятельности общества;

5) объективность – как методологический принцип настоящего исследования предполагает ориентацию на реконструкцию существующих представлений и характеристик юридического мировоззрения, независимых от воли и сознания отдельно взятых индивидов;

6) инструментально-правовой реализм, означает познание социокультурных факторов и доминант необходимо не только для понимания права и юридического мировоззрения народов, но и для управления реально существующими социально-правовыми и политическими процессами.

4. Результаты и обсуждения. Центральным для современных исследований социокультурной обусловленности государственной власти и властных отношений является реконструкция социокультурных кодов (архетипов, доминант), обуславливающих развитие политической системы и культуры общества, а также уровней этой обусловленности. Однако уровни, содержание и формы социокультурной обусловленности политического процесса являются одной из дискуссионных проблем [12].

Сложность и неоднозначность подобных исследований заключается, с одной стороны, в излишней «психологизации» данного исследовательского проекта, что не всегда отвечает задачам анализа; а с другой – в определенной «сдержанности», «осторожности» с которыми исследователь относится к глубинным социокультурным структурам политической и правовой культуры, что обусловлено отсутствием в теории достаточно ясной и авторитетной позиции по исследованию национальных оснований власти, политики, права и других политико-правовых феноменов [9].

Однако очевидно, что формирование политических и социально-правовых мотивов поведения, схем, образов и условностей восприятия политико-правовых явлений и процессов современной действительности во многом детерминировано воспоминаниями «о событиях, верованиях, чувствах хранимых веками. Все это составляет всеобщее достояние большинства. Даже если оно не осознается, даже если от него отказываться, оно остается основой, – основой нации... и каким-то невидимым образом влияет на наши мнения и действия» [6].

Такой методологический поворот в исследовании политической и правовой культур общества и государственно-правового процесса основан на системном анализе всех факторов и закономерностей развития конкретной социокультурной среды. При этом главным в данных исследованиях становится анализ поведенческих образцов (культурных моделей) и клише, а также стереотипов мышления, характерных для представителей определенной культуры. В этом контексте справедлива позиция Сепира, озвученная на конгрессе Британской ассоциации этнографов, согласно которой культура на социально-психологическом уровне навязывает определенные стили политического мышления и поведения, включая типичные политические ритуалы и символы, даже позы и жесты [4].

Поэтому без понимания процессов социокультурной обусловленности невозможно адекватно проанализировать закономерности и случайности в развитии институциональной властно-правовой системы общества, национального политического процесса, систему практик публично-правового взаимодействия в системе личность – общество – государство, осуществить политическое моделирование современного развития общества, а также адекватно определить функции и задачи правовой политики государства.

Нам представляется, с учетом вышеизложенных теоретико-методологических принципов, целесообразным выделить структуру архетипической обусловленности государственно-правового развития. Как уже было замечено выше, повторяющийся политико-правовой опыт формирует определенные бессознательные (устойчивые, коллективные) факторы и доминанты взаимодействия, которые становятся архетипическими структурами или социокультурными кодами (архетипами) развития политической жизни общества. В то же время эти архетипические структуры влияют на наши представления и опыт, стремясь организовать их в соответствии с уже существующими моделями. Социально-политические архетипические структуры и модели, по нашему определению, представляют собой кристаллизацию государственно-правового опыта нации, фиксирующего *базовые сценарии* юридического и политического мышления, *режимность взаимодействия* между личностью, обществом и государством, *формообразующие* тенденции в институционально-властной и социально-правовой организации социума.

1. *Архетипический уровень* жизни общества представляет собой первичный, базисный уровень формирования политической и правовой культуры общества, собственно, и представляющий собой фундамент. Он является несущей социокультурной арматурой, которая как обуславливает специфику институционализацию тех или иных явлений и процессов правовой жизнедеятельности, так и формирует «конгруэнтную смысловую и деятельностную перспективу» [4]. Ряд исследователей предлагают называть подобный уровень первичным, *партикулярным слоем культуры*, который «формируется преимущественно на уровне массового бессознательного, проявляющего себя при движении из частной жизни в социокультурное психе локального человеческого сообщества и обратно. В то же время партикулярная культура существует и как феномен индивидуального бессознательного, отражая общие тенденции частной жизни и во многом обуславливая формирование личности и ее социальных ролей, а также характер взаимодействия с другими индивидами» [7]. Содержательно характеризуя данный уровень, можно выделить следующие составляющие: нравственно-когнитивные интуиции; надрациональные ценности (архетипические коды); архетипические образы и представления; архетипические предправовые первономы [8].

2. *Квазиизмерение архетипических структур* – это то социокультурное пространство, где коренятся и действуют основные социально-политические и правовые архетипы данного локального сообщества (этноса, этнического меньшинства, народности и т.п.).

Именно на этом микроуровне идет непрерывное, достаточно медленное *формирование* социокультурных доминант, воспроизводящих специфичность и неповторимость государственно-правовой культуры определённого общества и его особенные властно-правовые практики взаимодействия.

Следовательно, данное измерение отражают так называемые «производные» «социотворящие» факторы и источники. Другими словами, производность означает, что социально-политические коды и факторы, обуславливающие национальную политическую реальность, выражаются в обычаях, традициях, стиле восприятия политико-правовых явлений и процессов, нравственно-духовных доминантах и стереотипах взаимодействия в системе личность – общество – государство, в иных национальных и религиозных артефактах, обуславливающих особенности политической культуры, форм и практических схем удовлетворения духовных и материальных потребностей, сопровождающих их ритуалах.

При этом соотношение архетипом и его производными не информативное, а энергетически-мотивационное. Например, сам К. Юнг подчеркивал, что архетипическое основание общества не относится к наследуемым представлениям, но к внутренним диспозициям, которые производят одинаковые представления. Первый уровень обуславливает не содержание, а форму упорядочения правокультурной жизни общества. Справедливо пишут в этом контексте И.В. Мостовая и А.П. Скорик, что данный уровень *инициирует формирование первичных бытовых отношений, ритуалов, первичных социальных норм,*

ценностей и оценок. Словом, он формирует «отчасти *нерефлексируемый обыденный мир социальных взаимодействий* – с его устоявшимися традициями, особой (только для внутреннего пользования) социальной символикой, особым языком, который практически *интуитивно понимается* “своими”» [7].

3. *Эмпирический уровень* государственно-правовой жизни общества представляет собой уровень обыденного политико-правового взаимодействия, в контексте которого осуществляется повседневное (практическое) поведение субъектов на основе сложившихся и преемственно воспроизводящихся форм и типизированных моделей социально-властного взаимодействия, достижения субъективных интересов и потребностей. Существенное значение на этом уровне имеет, конечно, не только «поведенческая традиция», но и «устная традиция», а также сформированные на предшествующих уровнях нравственно-когнитивные готовности и установки в восприятии существующей реальности, а также правовые эмоции и установки (эмоционально-психологическая составляющая обыденного политического взаимодействия). Именно практическое (обычно-повседневное) поведение отражает реально, в отличие, например, от санкционированных (официально признанных) обычаев, специфику социально-политического бытия нации, этносов, конкретных групп.

В свою очередь, эмоционально-психологическая сторона отражает внутреннюю составляющую обыденного социально-политического взаимодействия, которое строится на эмоционально-психологическом опыте индивидов.

4. *Доктринальный (теоретический) уровень* государственно-правовой жизни общества представляет глубинные, сущностные (концептуальные, аксиологические, символические) характеристики политико-правовых явлений, процессов и связан с их представлением и оценкой в политическом мышлении. Этот уровень интегративный, сплачивающий существующее культурное содержание с базовыми, типифицирующими установками, доминантами социально-политического развития и т.п. Он включает в себя следующие элементы, характеризующие данный уровень с точки зрения архетипической обусловленности: аксиологическую (нормативно-ценностную), концептуальную (политические и юридические теории, доктрины, категории и понятия) и символическую (существующие государственно-правовые символы и ритуалы) составляющие.

5. *Институциональный уровень* государственно-правовой жизни общества соответственно воплощает исторические закономерности развития конкретной социокультурной среды, институционализирует сложившиеся, типизированные формы и модели позитивного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Справедливо полагают в этом плане П. Бергер и Т. Лукман, что «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт», в свою очередь, «логика (институционального развития – авт.) свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии. Иначе говоря, рефлексивирующее сознание переносит свойство логики на институциональный порядок». Следовательно, делают вывод исследователи, «институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан» [10].

Прав проф. А.Ю. Мордовцев, указывающий на действие следующей закономерности в развитии институционально-правовой организации: «С одной стороны, существующие в обществе государственно-правовые институты (в частности, элементы правовой системы) неизбежно детерминируют, регулируют, направляют и даже оценивают поведение индивида как правомерное или неправомерное, а с другой – эффективность функционирования данных институтов, направление их развития, специфика деятельности, роль и значение в обществе и государстве всегда предопределяются субъективным или “личностным” фактором, т.е. происходит взаимное дополнение, уравнивание субъективного и объективного в правовом секторе регулирования общественных отношений» [5].

Итак, данный уровень, кроме действующих государственно-правовых институтов и структур, отражающих, по сути, *статический элемент* институционального уровня, включает в себя также такие *динамические элементы* как институционально-нормативная активность (законодательная, правоприменительная, судебная и иная политико-правовая практика), а также институционально-нормативная активность граждан и различных общественных институтов и структур [14].

6. *Квазиизмерение* государственно-правовой жизни общества – уровень, отражающий позитивные (имеющие социально-политическое одобрение) и негативные (вредные, опасные) политико-правовые явления и процессы. На данном уровне происходит взаимодействие существующей институционально-властной и правовой организации с реальными поведенческими практиками, преломление действующих институтов в национальном политическом мышлении.

Кроме того, следует полагать, что политико-правовое пространство представляет собой определенную сферу жизнедеятельности общества, в которой осуществляется взаимодействие социальных субъектов по поводу организации и осуществления политической власти, реализации конкретных интересов и потребностей, непосредственное руководство общественными делами и организация упорядоченности политического и правового взаимодействия отдельных индивидов, их социальных общностей, организаций, институтов и т.п.[1]. Таким образом, политико-правовое пространство включает в себя институциональную структуру, ее политические, правовые, культурные и духовно-нравственные основы, обеспечивающие

определенный государственно-правовой режим. В общественном сознании формируются определенные представления об окружающем индивидов социальном пространстве, предопределяя тем самым и политико-правовую организацию последнего, а само политическое взаимодействие субъектов в рамках этого пространства задает подлинный смысл и значение политических и правовых установлений, институтов в имеющихся условиях места и пространства.

7. *Уровень социально-политической целостности* характеризует собственно культуру конкретного общества как целостный феномен, отражает ее специфику и адаптивные возможности перед вызовами современности. Он выражает три основных элемента, характеризующих специфику той или иной политической и правовой культур, институциональные перспективы ее развития, возможности адаптации к внешним заимствованиям тех или иных институтов, импортированию каких-либо идей и доктрин, а также устойчивые формы и способы восприятия и оценки феноменов политико-правовой реальности, социокультурные стандарты и модели взаимодействия в системе личность – общество – государство. К этим элементам следует отнести:

а) доминирующий тип социально-политического и юридического мышления, отражающий соответственно, *условие* (языковое, коммуникативное, историческое), которое *раскрывает* и *актуализирует* государственно-правовое бытие для субъекта как особый «фон», контекст существования реальных политико-правовых феноменов;

б) социально значимые и легитимные стандарты и модели социально-политического и правового взаимодействия, отражающие сложившиеся на уровне институциональной организации и в повседневной политической деятельности устойчивые модели взаимодействия в системе личность – общество – государство, а также сложившуюся и разделяемую большинством систему восприятия и оценок (национальная когнитивная матрица), протекающих внутри общества и за его пределами политико-правовых явлений и процессов. Эта составляющая отражает высшие формы человеческой деятельности, которые имеют коллективное происхождение (Э. Дюркгейм), а также действующую в обществе доминирующую политическую и правовую идеологию;

в) социально-правовую и политическую психологию нации, отражающую в интегративном виде социально-политическую чувствительность и социально-политические стереотипы властного взаимодействия. Причем эта политическая чувствительность, когнитивные установки и готовности (определяющие стиль, сюжетные линии и ценностные предрасположенности) находят свое выражение в преобладающих шаблонах поведения, моральных нормах, массовых оценках и суждениях по поводу тех или иных политических и юридических явлений и процессов. Так, например, представитель школы анналов Ж. Дюби отмечал, что «системы образов, представлений, которые в разных группах или странах составляют общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [5].

5. Выводы и заключение. В контексте анализа государственно-правового развития следует говорить о едином политико-правовой порядке, который представляет собой основанную на политических, правовых нормах, идеях, ценностях и идеалах институциональную организацию общества, обеспечивающую упорядоченность социальных отношений и отражающую специфику и закономерности развития социально-культурной системы.

Важным для понимания государственно-правовых трендов развития является анализ социокультурной обусловленности публично-властных и социально-правовых отношений, а также реконструкция социокультурных кодов (архетипов, доминант). Социокультурная обусловленность государственно-правового развития и современного политического процесса связана с кристаллизацией политико-правового опыта нации, фиксирующего базовые сценарии юридической и политической мысли, режимность взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институционально-властной организации социума. [16].

Для описания социокультурной целостности государственно-правового развития, отдельных политико-правовых явлений и процессов в работе разработана следующая многоуровневая модель: 1) архетипический уровень (нравственно-когнитивные интуиции, надрациональные ценности, архетипические образы и символы, социокультурные первоформы общественного взаимодействия; 2) квазиизмерение архетипических структур (социально-правовые и политические коды и доминанты, которые выражаются в политических и юридических обычаях, традициях, стиле восприятия политико-правовых явлений, нравственно-духовных доминантах и стереотипах взаимодействия в системе личность – общество – государство); 3) эмпирический уровень государственно-правовой жизни общества («поведенческая традиция» и «устная традиция», социально-политические и правовые эмоции, установки); 4) доктринальный уровень – аксиологическая (нормативно-ценностная), концептуальная (политические и правовые теории, доктрины, категории и понятия) и символическая (существующие государственно-правовые символы и ритуалы) составляющие; 5) институциональный уровень – действующие политические институты и структуры (статическое измерение), институционально-нормативная активность государства (законодательная, правоприменительная, судебная и иная публично-властная деятельность), институционально-нормативную активность граждан и различных общественных институтов и структур (динамические элементы); 6)

квазиизмерение государственно-правовой жизни общества – позитивные (имеющие социально-политическое одобрение) и негативные (вредные, опасные) политико-правовые явления и процессы; 7) уровень социально-политической целостности – доминирующий тип социально-политической мышледеятельности, социально значимые, легитимные стандарты и модели социально-политического взаимодействия, а также сложившуюся и разделяемую большинством систему восприятия и оценок (национальная когнитивная матрица), социально-политическую психологию нации.

Литература:

1. Андреев Д.Ф., Бордюгов Г.А. (2004) Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.; СПб.
2. Дюби Ж. (1991) Развитие исторических исследований во Франции. М.
3. Лукашева Е.А. (2006) Права человека: конфликт культур // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М.
4. Мид М. (1988) Культура и мир детства. М.
5. Мордовцев А.Ю. (2002) Национальный правовой менталитет: Введение в проблему. Ростов н/Д.
6. Московичи С. (1998) Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.
7. Мостовая И.В., Скорик А.П. (1995) Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. № 4.
8. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. (2009) Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д.
9. Мамычев А.Ю. (2014) Государственная власть как правокультурный феномен // Юристъ – Правоведь. № 1 (62). С. 26-29.
10. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge.* 1966
11. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* Vol. 6, № 3, May. Supplement 3
12. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396
13. Merton R.K. (1957) *Social Theory and Social Structure* / Robert K. Merton. Enl. Ed. New York: Free press.
14. Muouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox.* London: Verso.
15. Roulard N. (1988) *Anthropologie Juridigue.* Paris: Presses universitaires de France.
16. Karepova S. G., Karabulatova I. S., Novikov V. S., Klemovitsky S.V., Stratan D. I., Perova A. E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: *Mediterranean Journal of Social Science.* 2015. Vol 6, No3, S.6. – pp.357-364.
<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539>.